Государство и право: теоретические и исторические аспекты

И.Л. Честнов

Государство с точки зрения социокультурной антропологии права

Антропологическое измерение государства связано, во-первых, с тем, что государство существует в знаково-символических формах; во-вторых, конструируется и воспроизводится практиками людей преимущественно через механизм политико-правового представительства. Основным признаком государства является публичная и суверенная власть, которая во взаимодействии с населением конструирует и воспроизводит политическую систему общества. Государство формирует социально-политическую идентичность социума, объявляя себя единственным и монопольным его представителем.

Ключевые слова: государство; право; антропологическая методология; публичность и суверенность власти.

Государство — сложное, многогранное явление, поэтому понятие государства, как и понятия власти, политики, справедливости и т. д., относится к числу сущностно оспоримых. Отсюда множественность подходов к определению государства. Исходя из постклассической методологии, основные положения социокультурной антропологии государственности сводятся к следующим:

- государство — не эссенциалистская данность, а процессуальная деятельность людей по становлению и воспроизводству культурного, конструируемого, контекстуально обусловленного феномена;
- государство — это конструируемость и воспроизводство властных отношений в масштабах общества (именно государство конструирует границы социума, превращает население в народ или нацию) во взаимосвязи с другими социальными процессами (делая их политическими): экономикой, культурой в узком смысле слова, демографией и т. д.;
- государство существует в знаково-символических формах, в социальных представлениях, идеологиях и мифах, воспроизводимых ментальными и поведенческими практиками;
- государство — это люди во власти и в качестве объекта властного воздействия (Г. Лассуэлл).

Антропологическое измерение государства, таким образом, связано прежде всего с тем, что государство существует в знаково-символических формах, а также с тем, что оно конструируется и воспроизводится практиками людей преимущественно через механизм политико-правового представительства.

Государство как образ или социальное представление существует с помощью знаково-символической функции людей, закрепляющих таким образом свой привилегированный властный статус. Это связано с тем, что символ не отражает опыт, но производит реальность, так как реально только то, что обозначено (номинировано), категоризировано (подведено под известную категорию), означено и осмыслено. Именно дискурс, оперирующий соответствующими знаками-символами, конституирует объективность как таковую, то, что понимается как существующее. Структура, утверждает Э. Гидденс, представляет собой лишь своеобразный «отпечаток в памяти», обеспечивающий в социальной практике основания для сигнификации, господства и легитимации [4: с. 38]. Государственный дискурс с помощью политических знаков и символов тем самым конституирует государство и придает ему модус существования.

Знаково-символическое пространство государства представлено политическими мифами и идеологией, которые определяют (или задают) господствующую в данном социуме политическую картину мира, систему политических ценностей и образцов политических практик (установок и стереотипов политического поведения).

Идеология, по утверждению Т. ван Дейка, представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения. Эта идеологическая система состоит из социально релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотнесены и применены таким образом, чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы» [10: с. 54]. Идеология, по его мнению, производит релевантную селекцию социокультурных ценностей и организует их в «идеологическую схему», в результате чего они (социокультурные ценности) превращаются в собственно идеологические и в такой форме включаются в политическую коммуникацию [13: p. 248]. Политическая идеология — это набор убеждений о правильном устройстве общества и о том, как это устройство может быть достигнуто [14: p. 64]. Такие убеждения образуют политическую картину мира и обеспечивают интерпретацию политики.

В литературе выделяется следующая структура традиционной идеологии (от которой отличаются современные «манипулятивные» идеологии): 1) стабильное «идеологическое ядро», состоящее из систематизированной совокупности базовых идей, принципов и идеалов, характеризующихся устойчивостью и непротиворечивостью, отсутствием идеологического эклектизма; 2) четко определенная структурная организация, основными компонентами

которой являются инвариантный миф — архетип коллективного бессознательного, на который накладывается определенная ценностная система; философские доктрины — развитые философские системы, составляющие идейный фундамент идеологии, формирующие основополагающие ценности и смыслы; учение о ведущей роли в обществе определенной социальной группы; 3) характерные признаки, позволяющие отличать их друг от друга, и относительная устойчивость (меньше зависят от массовых настроений и не так подвержены внутренним мутациям); 4) собственная стабильная социальная база и определенная социально-политическая цель [2 : с. 36–37].

Основной функцией идеологии является легитимация государственного порядка, неразрывно связанная с воспроизводством, консолидацией и господством в обществе. Собственно, этому же служит политический миф, выполняющий, по мнению Н.И. Шестова, функцию непосредственного источника идеологии, ее первичного строительного материала, либо, напротив, функцию продукта распада некогда существовавшей идеологической системы. В подоплеке любой идеологии, естественно, наличествует некоторый мифологический материал. При этом граница между идеологией и мифом условна и не может быть точно установлена на основании устойчивых формальных признаков. «Общность идеологии и социально-политической мифологии, — подчеркивает Н.И. Шестов, — кроме того, что их объективным основанием является политический процесс, предопределена еще и тем, что их внутренним основанием является стереотип (в данном случае понимаемый как принцип организации информации в тексте). Различие же проистекает из того, какой статус придает стереотипу, по условиям исторического существования, общество или исследующий его ученый. Согласны ли они, под влиянием текущего политического момента, отнести данный стереотип к рангу высших политических ценностей или же признают за ним лишь общую социокультурную значимость» [11: с. 92–97]. Социально-политический миф, по его мнению, можно определить как «устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе» [11: с. 79].

В.С. Полосин определяет политический миф как «миф, хранящий в коллективной памяти народа опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации». Политический миф, с его точки зрения, включает в свою структуру: 1) архетип какой-либо опытной ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования и принуждения («если... то...»); 2) содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом; 3) систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит «желаемое» с «должным», т. е. со сложившимся архетипом.

Функциями политического мифа, по его мнению, являются: 1) хранение совокупного политического опыта в иносказательной форме, соотносящей

его с представлениями об абсолютной стабильности; 2) воспроизведение данного опыта в идеологии, в политических (национально-государственных) церемониях и ритуалах; 3) соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп и корпораций и народа в целом с совокупным опытом, обобщенным до уровня архетипов [9: с. 169, 171].

Представляется, что мифы (или мифологемы), понимаемые в таком широком смысле, пронизывают повседневность, выступая «естественной установкой» жизненного мира человека. В тех сферах, в которых люди не являются специалистами, они вынуждены полагаться на верования, господствующие социальные представления, выполняющие сегодня, по утверждению С. Московичи, функцию мифа. Так, понимаемые современные мифы проанализированы Р. Бартом в его ставшей знаменитой работе «Мифологии» (1970). «Описывая современные “мифы”, — отмечает Г.К. Косиков, — Барт с “технической” точки зрения определяет их как совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень дискурса; в функциональном же отношении назначение мифа оказывается двояким: с одной стороны, он направлен на деформацию реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания; с другой — миф чрезвычайно озабочен сокрытием собственной идеологичности, поскольку всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо единственно верное) его изображение, то есть как нечто “естественное”, “само собой разумеющееся”; миф стремится выглядеть не “продуктом культуры”, а “явлением природы”; он не скрывает свои коннотативные значения, он их “натурализует” и потому вовсе не случайно паразитирует на идеологически нейтральных знаках естественного языка: вместе с наживкой, которой служат эти знаки, он заставляет потребителя проглатывать и крючок идеологических смыслов. Миф невозможно “убить” (он возродится, как Феникс), но от его власти можно освободиться, “объяснив“ его, то есть аналитически разрушив его знаки…» [6: с. 18].

Исходя из приведенной семиотической точки зрения, можно сделать вывод, что политика для обывателя пронизана преимущественно политическими мифами, принимаемыми на веру представлениями о сущем и должном в политической сфере.

Политические мифы растворены в политической повседневности как принимаемые на веру убеждения о всемогуществе первого лица нашего государства, о сакральности и таинстве власти, о великой России, о врагах нашей Родины, о мировой «закулисе», о возможности с помощью закона изменить жизнь (мифы позитивного права, описанные Н. Руланом), о том, что справедливые и честные выборы способны трансформировать политическую систему и т. д. и т. п. Мифами выступают натурализированные представления о народе или нации как некоей данности или как минимум целостности (К. Хюбнер), о трансцендентности государства, о всемирно-исторической миссии избранного народа, об абсолютном

зле. «Расколдование» (по терминологии М. Вебера) таких мифов может привести к делегитимации власти, если она не опирается на рациональную легитимность. Но в более отдаленной перспективе демонстрация сконструированности всех политических мифов (как и идеологий) будет способствовать росту ответственности населения за собственную судьбу и рационализацию управления.

Механизм конструирования мифов и идеологий, других социальных представлений детально разработан и продемонстрирован на нескольких примерах лидером культурсоциологии Дж. Александером. По его мнению, этот механизм есть не что иное, как трансформация события в символ с помощью репрезентации (т. е. кодирования), его категоризации, придания смыслового веса и превращения в нарратив. Положительный исход такого процесса зависит от субъекта (субъектов), способного убедить аудиторию именно в такой оценке события и скорости символического кодирования [1: с. 95–225].

Основным признаком государства традиционно считается публичная и суверенная власть, которая (представители которой) во взаимодействии с населением конструирует и воспроизводит политическую систему общества. Публичность государственной власти проявляется прежде всего в представительстве (хотя представительство гораздо шире — оно имманентно социальной жизни как таковой) и особой идентичности своего правового статуса. Механизм представительства позволяет решить проблему соотношения человека и структуры. Должностное лицо — это человек, выступающий носителем статуса (компетенции) должности, в котором взаимодополняют друг друга личная мотивация и требования, исходящие от юридического статуса. С другой стороны, государство (преимущественно высшие должностные лица) формирует социально-политическую идентичность социума, объявляя себя единственным и монопольным представителем последнего. В результате у населения возникает осознание своей принадлежности к социуму с системой его требований и ожиданий. Именно в этом осознании и состоит уникальный признак и сущность государства, по мнению Г. Лассуэлла [15: p. 245].

В этой связи возникает вопрос: кого или что представляет публичная государственная власть? Вслед за П. Бурдье приходится констатировать, что доверенные лица представляют самих себя с помощью механизма самоосвящения. Более того, «ибо именно потому, что представитель существует и представляет (акт символический), представляемая и символизируемая им группа существует и в свою очередь обеспечивает своему представителю существование в качестве представителя группы.

В этом замкнутом круговом отношении легко увидеть корни иллюзии, в силу которой в предельном случае представитель может восприниматься другими и сам воспринимать себя в качестве causa sui, так как он сам является причиной того, что составляет его власть. Ведь группа, инвестирующая его полномочия, не существовала бы или, во всяком случае, существовала бы не в полной мере в качестве представляемой группы, не будь он ее

воплощением» [3: с. 234]. Этот вывод во многом вытекает из убеждения французского мыслителя о том, что «общественное мнение не существует», а навязывается населению элитой [3: с. 159–178].

Конечно, элита не может не принимать во внимание реакцию населения на проводимую ею политику. Но именно элита вместе с референтной группой с помощью идеологического манипулирования конструирует политические убеждения и представления социума о том, какая политика должна считаться приемлемой. В любом обществе, «где отсутствует полное единогласие и существует плюрализм интересов, государство, сколь угодно сговорчивое, не может преследовать иные цели, нежели свои собственные», — пишет Э. де Ясаи [12: с. 19]. Более того, по его убеждению, «государство является автономным и подчиняет правящий класс собственному пониманию его интересов. /…/ Даже самое альтруистическое государство не может преследовать иные цели, нежели свои собственные» [12: с. 75, 91].

Государственная власть приобретает черты осязаемой видимости прежде всего в своей исторически приобретенной суверенности. Суверенность выступает качеством государственной власти — ее реальной возможностью принимать наиболее важные решения и навязывать их населению, осуществлять «монопольное право на принуждение» (сущностный признак государства, по М. Веберу). В то же время это качество зависит от легитимности государственной власти, которая во многом обеспечивается идеологической системой.

Формирование новой идеологической системы во второй половине XX века приводит к изменению методов государственного властвования: прямое насилие заменяется «мягким» информационно-идеологическим, знаково-символическим влиянием, когда власть действует с помощью «символического насилия». При этом меняется характер и содержание идеологии: «идеология вытесняется “имиджелогией” и, что немаловажно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер “потребления” последних» [8: с. 13]. «Процесс коммерциализации политики в совокупности с динамичным развитием информационных технологий способствовал превращению идеологической работы в своеобразную сферу бизнеса, что, в свою очередь, привело к доминированию политтехнологов, так как политические технологии, обладающие высоким манипулятивным потенциалом, заняли ведущее место в иерархии факторов электорального успеха. Одним из важнейших последствий этой тенденции стало разрушение «традиционных» идеологий и возникновение идеологий нового типа, которые можно определить как манипулятивные» [2: с. 34].

Используя новые коммуникативные технологии, власть проникает во все сферы жизнедеятельности человека. «Действительно, преобразования в социально-политической сфере, — полагает М.Н. Грачев, — происходящие под воздействием новых коммуникационных технологий, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют расширению «видимости», открытости осуществления власти, с другой — создают потенциальную возможность

достаточно узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или, если угодно, манипулирования им в политических целях. В последнем случае «видимость» власти может трансформироваться в «видимость демократии» [5: с. 206].

Одним из важнейших направлений деятельности государственной власти становится конструирование политической идентичности. Именно такое конструирование привело к формированию «новых» государств в XX веке, освободившихся от колониальной зависимости, и наций. Сегодня это серьезнейшая проблема, порожденная мультикультурностью современных сообществ. «В условиях современной глобализации, — пишет В.В. Лапкин, — роста людской мобильности и бурного развития сетевых коммуникаций, кардинально преобразующих представления человека о своем месте в мире, именно доминирующая прежде национальная (или национально-государственная) составляющая в системе идентификационных ориентиров индивида оказывается подверженной наиболее серьезному разлагающему воздействию, ведущему к частичной утрате ею былого нормативного значения. Образ «классического» национально-территориального государства размывается, теряя свою привлекательность в качестве объекта идентификации. Национальные ценности девальвируются, что способствует резкому усилению значимости (а в определенном смысле — возрождению) этнической, религиозно-конфессиональной, цивилизационной и других, прежде «вторичных», дополнительных идеалтипических идентификационных моделей. В рамках целостной самоидентификации индивида усиливается роль как более локальных, так и, напротив, сетевых социальных идентификаций, делокализованных вплоть до глобальности, тогда как значение страны происхождения снижается» [7: с. 2–22]. Куда приведет трансформация государства-нации в связи с изменениями политической идентичности предсказать невозможно. Но очевидно, что сегодня политика — это прежде всего борьба между группами за идентичность, в том числе властной иерархии.

Подводя итог, можно сформулировать следующее определение государства с антропологической точки зрения — это деятельность людей по формированию образа (социального представления) политической власти — политических институтов и их правового статуса. Одновременно государство — это государственная власть, представленная и воспроизводимая людьми — государственными служащими и их практиками.

Литература

1. *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.

2. *Аль-Дайни М.А.* Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 33–47.

3. *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logoc, 1993. 336 с.

4. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

5. *Грачев М.Н.* «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2012. С. 200–210.

6. *Косиков Г.К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 3–46.

7. *Лапкин В.В.* Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 16–41.

8. *Малинова О.Ю.* Введение // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 5–21.

9. *Полосин В.С.* Миф, Религия, Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.

10. *Тён А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.

11. *Шестов Н.И.* Политический миф теперь и прежде / Под ред. А.И. Демидова. М.: Олма-Пресс, 2005. 414 с.

12. *Ясаи Э. де.* Государство. М.: ИРИСЭН, 2008. 410 с.

13. *Dijk T.A. van.* Ideoligy and ideology // Discourse and society. 1995. Vol. 6. № 2. P. 238–264.

14. *Erikson R.S., Tedin K.L.* American Public Opinion. 6-ed. N.Y.: Longman. 2003. 391 p.

15. *Lasswell* H.D. Psychopathology and Politics: A New Edition whit Afterthoughts by the Author. N.Y.: Free Press, 1960. 544 p.

References

1. *Aleksander Dzh.* Smy'sly' social'noj zhizni: Kul'tursociologiya. M.: Praksis, 2013. 640 s.

2. *Al'-Dajni M.A.* Politicheskie ideologii v kontekste transformacii: osobennosti proizvodstva partijny'x ideologij // Idejno-simvolicheskoe prostranstvo postsovetskoj Rossii: dinamika, institucional'naya sreda, aktory' / Pod. red. O.Yu. Malinovoj. M.: ROSSPE'N, 2011. S. 33-47.

3. *Burd'e P.* Sociologiya politiki. M.: Socio-Logoc, 1993. 336 s.

4. *Giddens E.* Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij proekt, 2005. 528 s.

5. *Grachev M.N.* «E'lektronnaya demokratiya» ili «konecz demokratii»? // Vlast' i politika: institucional'ny'e vy'zovy' XXI veka. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2012 / Gl. red. A.I Solov'ev. M.: ROSSPE'N, 2012. S. 200–210.

6. *Kosikov G.K.* Rolan Bart — semiolog, literaturoved // Bart R. Izbranny'e raboty' Semiotika: Poetika. M.: Progress, 1989. S. 3–46.

7. *Lapkin V.V.* Politicheskie izmeneniya v global'nom mire i dinamika identichnosti: v 2 t. T. 2: Identichnost' i social'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke / Otv. red. I.S. Semenenko. M.: ROSSPE'N, 2012. S. 16–41.

8. *Malinova O.Yu.* Vvedenie // Idejno-simvolicheskoe prostranstvo postsovetskoj Rossii: dinamika, institucional'naya sreda, aktory' / Pod. red. O.Yu. Malinovoj. M.: ROSSPE'N, 2011. S. 5–21.

9. *Polosin V.S.* Mif, Religiya, Gosudarstvo. M.: Ladomir, 1999. 440 s.
10. *Ten A. van Deik*. Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazy'ke i kommunikacii. M.: Librokom, 2013. 344 s.
11. *Shestov N.I.* Politicheskij mif teper' i prezhde / Pod red. A.I. Demidova. M.: Olma-Press, 2005. 414 s.
12. *Yasai E'. de.* Gosudarstvo. M.: IRISE'N, 2008. 410 s.
13. *Dijk T.A. van.* Ideoligy and ideology // Discourse and society. 1995. Vol. 6. № 2. P. 238–264.
14. *Erikson R.S., Tedin K.L.* American Public Opinion. 6-ed. N.Y.: Longman. 2003. 391 p.
15. *Lasswell* H.D. Psychopathology and Politics: A New Edition whit Afterthoughts by the Author. N.Y.: Free Press, 1960. 544 p.

I.L. Chestnov

The State from the Point of View of Social and Cultural Anthropology of Law

The anthropological dimension of the state is connected, firstly, with the fact that the state exists in symbolic forms; secondly, it is constructed and reproduced by people mainly through the mechanism of political and legal representation. The main feature of the state is public and sovereign power, which in cooperation with the population constructs and reproduces the political system of society. The state forms social and political identity of society declaring itself its sole and exclusive representative.

Keywords: the state, anthropological methodology, publicity and sovereignty of the power.